

Лекция 3

Автор Анатолий Козлович

ПУБЛИЦИСТИКА КАК ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЕ

Тема 3. Человек как средоточие острых проблем времени – главный объект исследования журналистики и публицистики. С.Теркел, Г.Радов, Е.Дорош, С.Алексиевич, М.Риффо, А.Стреляный, В.Песков, А.Козлович.

План лекции

1. Почему Анатолий Иващенко вышел за пределы публицистики.
2. Что случилось, когда Иван Филоненко вернул Анатолия Иващенко на путь истинный – к человеку.
3. По какой методике Анатолий Козлович вывел на чистую воду лже-мелиораторов.
4. Как Стадс Тёркел помогает человеку самораскрываться.
5. Зачем Светлана Алексиевич высказывается за человека.
6. Мадлен Риффо меняет профессию, чтобы посмотреть на человека и его проблемы изнутри системы.
7. Как Василий Песков из малого газетного репортажа делает большую публицистику.
8. Почему Анатолий Стреляный ничего не скрывает и почему это не нравится его матери.
9. Что спасло Ефима Дороша от неправды.
10. Почему не верится в существование реальных героев Георгия Радова.
11. Новое прочтение советской публицистики.

1.

В 1971 году на очередном заседании президиума Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук СССР, где обсуждались проблемы технологии возделывания пшеницы, среди трех основных докладчиков был публицист Анатолий Иващенко, работавший в «Комсомольской правде». Он уже пятнадцать лет публиковал в газете статьи о безотвальной обработке почвы. Публицист до того вжился в тему, что с 1964 по 1970 годы проводил личные научные опыты на полях Кубанского научно-исследовательского института. Результаты опытов он решил доложить академикам.

В благородном, эмоциональном поступке А.Иващенко нам видится трагический тупик советской публицистики влияния. Публицист, подменивший специалистов, обречен, в лучшем случае, на язвительные насмешки тех же специалистов и, в придачу, - на недоверие читателей. Читатель скорее поверит не скоротечной «научно-исследовательской работе» публициста, влезшего явно не свое дело, а двадцатипятилетней практике американского фермера Эдварда Фолкнера, который в книге «Безумие пахаря»

(1943) показал бесполезность и вредность ежегодной вспашки земли традиционным плугом с отвалом.

Талантливый публицист Анатолий Иващенко довел развитие советской публицистики до абсурда. Не сумев публицистическим словом повлиять на систему, он вынужден был пробивать ее пути собственным лбом. Следующим этапом публицистической деятельности могло стать самосожжение от отчаяния.

Трагическая ошибка Иващенко заключалась в том, что он превысил необходимые пределы публицистики. Вы спросите: а кто установил эти пределы? Их установила, в результате проб и ошибок, многовековая практика различных искусств, достигавших совершенства и пика своего влияния при одном неперемennom условии – когда темой произведения становятся не предметы и порядки, а человек и его взаимоотношения с другими людьми и системой в целом.

2.

О проблеме безотвальной обработки почвы написал документальную повесть «Хлебопашец» (1984) еще один талантливый советский публицист – Иван Филоненко. Он пошел по иному, нежели Иващенко, пути – в центр повествования поставил человека, легендарного народного академика Терентия Мальцева.

Свою жизнь крестьянин Мальцев посвятил борьбе за новые, экологически обоснованные, способы обработки почвы. Много доказал, многое – не смог пробить всей своей долгой жизнью. Сложные перипетии специальных споров, все технологические тонкости по прошествии лет забылись, но от повести осталось главное – сам Мальцев, его слезы и радости, его судьба.

Публицист достиг своей цели – показал человека, а через человека показал идиотизм советской системы. Переживая за человека, за Мальцева, читатель испытывает то, что искусствоведы называют катарсисом, очищением души. Публицистика, следовательно, переходит в разряд искусств, если обращается к человеку как объекту исследования, как носителю общественных, социальных, политических, технологических проблем. Только через человека можно понять суть всех проблем.

3.

Понимая категоричность утверждения, автор вынужден подтвердить его личным творческим опытом. В начале семидесятых я как публицист вмешался в практику тотальной мелиорации, проводимой в Беларуси по решению власти. Мелиорация – это улучшение земли, а в Беларуси землю ухудшали, забрасывали старопахотные поля в погоне за осушенными болотами, которые осушали наспех, дешевым примитивным способом, при этом уничтожали реки, озера, поймы, луга, леса.

Перед публицистом встала непростая задача: как в условиях цензуры показать и доказать вред от гигантской работы, проводимой мелиораторами, которых, в свою очередь, направляла наносить вред природе и человеку руководящая партия? Я прочитал множество книг и учебников по мелиорации, со знанием дела мог вступить в полемику со специалистами,

пропагандировать, как говорят в таких случаях, прогрессивные методы мелиорации, применяемые за рубежом. Но кто бы стал слушать публициста, дилетанта, как утверждали мои оппоненты, профессора мелиоративных наук?

Я не отрицаю необходимости глубокого изучения публицистом технологических нюансов поднимаемой им проблемы, но, как я убедился, такой путь редко приводит к истокам проблемы. Истоки же – в человеке. Поэтому необходимо глубоко изучать морально-нравственные нюансы проблемы.

Среди ученых практиков мелиорации я разыскал профессора, который уже много лет бился за прогрессивные методы улучшения земли в Беларуси. Его оскорбляли, на него клеветали те профессора, которые бездумно уничтожали болота, реки, озера, луга. В среде ученых шла настоящая война. С одной стороны, в ней участвовали конъюнктурщики, лжеученые, подводившие под волевые решения партии «научные» подкладки, с другой стороны, - высокоморальные ученые, радеющие за родную природу, за Беларусь, за будущее. Публицисту оставалось изучить и в подробностях изложить фабулу этой многолетней войны, что я и сделал в очерке «Позиция» (1982), а затем в книге «На моей ладони линия реки» (1987), имевших общественный резонанс.

Остановил ли я в Беларуси преступную мелиорацию? Да, мы остановили такую. Мы – это белорусские публицисты-экологи: Анатолий Козлович, Василь Яковенко, Игнат Дубровский. Мы спасли от спрямления великую полесскую реку Припять, благодаря нам потомки увидят в первозданной красоте нетронутые болота Полесья. Публицисты перевели технологические проблемы мелиорации в морально-нравственную сферу, показали общественности лица добродеев и злодеев, общественность повлияла на поведение власти, власть прекратила мелиоративные работы в том виде и в тех масштабах, которые, как доказали публицисты, являются преступными.

В девяностых годах к руководству мелиоративной наукой пришли порядочные ученые, они даже начали восстанавливать осушенные болота. Но к власти в Беларуси пришли люди, требующие возобновить мелиорацию в прежних объемах. Вновь началась между людьми борьба добра и зла. Следовательно, у белорусских публицистов осталась в работе главнейшая тема, острейшая проблема современности – человек.

4.

В человеке усматривают средоточие общественных проблем и публицисты Америки. Показателен в этом отношении опыт Стадса Тёркела, написавшего книгу «Работа» (1974). Чикагский журналист выслушал и записал на магнитофон рассказы более ста тридцати американцев о том «чем они занимаются весь день и что об этом думают». Это не мертвые интервью, которые тысячами выпекают журналисты, не умеющие думать и спрашивать. Тёркел сумел создать исповеди людей о себе, о стране Америка, о времени. Они иногда сами удивлены, как это у них неплохо получилось. Человека смог раскрыть публицист.

За удивительным самораскрытием персонажей книги стоит огромный труд публициста, его умение расположить к себе собеседников, задать первые

вопросы, слушать, смотреть в глаза, сопереживать. Публицист тонко направлял эти потоки сознания в нужную сторону – к искренности, к взгляду человека в глубины самого себя. Вглядываясь в себя, человек становился зорче и во взгляде на окружающую действительность, подмечал в ней и светлое, и темное.

Книга Тёркела наполнена точными психологическими деталями, на которые способны лишь большие мастера в художественных произведениях. Оказывается, каждый человек талантлив, если публицист поможет ему раскрыться, ощутить себя уникальным, неповторимым, даже если человек работает просто дворником, телефонисткой либо кассиршей в магазине.

Кстати, послушайте талантливую кассиршу: «Покупатели выкладывают свои покупки. Я жму бедром, и пакеты продвигаются по прилавку. Когда их передо мной в самый раз, я перестаю нажимать. Я все время в движении – бедро, рука, касса. (Она показывает, как это получается – ее руки и бедра движутся, словно она танцует какой-то восточный танец.) Тут важно чувствовать. Если кто-то перебьет, спросит, что сколько стоит, я отвечаю, не замедляя движения.словно на рояле играешь». Послушайте – ведь это эстетика жизни! Вот что может публицистика!

Через судьбу человека публицистика способна сконцентрировать в себе сгусток времени с его радостями и печалью, прелестями и мерзостями. Послушайте, как электросварщик говорит о заводском конвейере: «Он не останавливается. Двигается, движется. И так все время... Все одно и то же, одно и то же, и потому если начинаешь думать про работу, то мало-помалу спятишь. До того тебе станет неладно, что хоть сейчас вцепляйся соседу в глотку».

Тёркел постепенно, от монолога к монологу, приводит читателя к большой социальной проблеме современной Америки – о закреплении человека работой. Сам автор в предисловии так поясняет смысл своей публицистики: «Эта книга, имея своим предметом работу, по самому своему характеру есть книга о насилии – над духом так же, как над телом. Это книга о каждодневных унижениях».

Автор не мелькает на страницах книги, он позволяет себе только немногословные ремарки. Но его публицистика течет туда, куда надо автору. Он управляет потоком незримо, без насилия, он лишь фиксирует, информирует нас о потоке. Получается, что туда, куда надо автору, течет сама жизнь. Чтобы создавалось такое ощущение, требуется огромное мастерство публициста. Книга С.Тёркела не зря побывала в списке бестселлеров.

5.

По методике американца Тёркела работает белорусская публицистка Светлана Алексиевич – слушает и записывает на магнитофон человека, пытаясь в его рассказе нащупать пульс времени, показать проблемы общества. Ее книга «У войны не женское лицо» – это рассказы-монологи женщин, принимавших участие в Великой Отечественной войне. Сборник монологов, диалогов, дневниковых записей, обширных комментариев автора об афганской войне называется «Цинковые мальчики». О крупнейшей техногенной катастрофе человечества в Чернобыле С.Алексиевич также

написала в жанре монологов людей, имеющих прямое отношение к ликвидации последствий этой катастрофы (книга «Чернобыльская молитва»).

Как видим, Алексиевич интересуют знаковые события, влияющие на ход времени, на развитие не только, например, Беларуси, но и всего человечества. Ставит ли публицистка перед собой эту гигантскую творческую задачу – связать судьбы умирающего от радиации пожарника-чернобыльца и его убитой горем жены с грядущими судьбами всего мира? Безусловно, ставит. И мир это чувствует, читает книги Алексиевич, переведенные на многие языки.

Почему книги Алексиевич вызывают сочувствие мира?

Во-первых, мир чувствует свою связь с белорусским пожарником и его женой потому, что смерть и горе универсальны, знакомы всему миру. Во-вторых, атомные электростанции расставлены по всей земле, грозят новыми и новыми чернобылями всему человечеству. В-третьих, автор целенаправленно устанавливает связь местной (белорусской) фактуры с событиями и явлениями, протекающими в общечеловеческом содружестве, – поисками модели справедливого общества, идеологическими исканиями человечества, строительством капиталистической и социалистической моделей и т.д. Остановимся на последнем – на связях частного и общего, ибо здесь проявляются и сильные, и слабые стороны дарования публицистки Алексиевич.

Слушая человека, не упущи мелочей и деталей. Если человек считает их мелкими, ненасильственно направь его память на предметы и вещи, на запахи и цвета, на полутона – и событие, о котором рассказывает-вспоминает человек, предстанет во всей полноте, красоте, трагичности. С.Алексиевич умеет извлекать из человека художественные детали, ибо понимает их эстетическую ценность и документированную силу. И тут зачастую публицистка переступает черту.

В желании использовать в тексте как можно больше яркого художественного бисера, публицистка сама начинает «метать бисер», то есть придумывать слова, образы, детали и вкладывать все это в уста реального собеседника. Нарушается органичность повествования. Вдруг в нормальную речь человека вклиниваются высокопарные, не характерные для разговорной интонации, конструкции.

Человек рассказывал о себе, копался в собственных воспоминаниях, делился сокровенным – и читатель был с ним заодно. И совершенно неожиданно этот же человек заговорил другим языком, начал изъясняться сложными синтаксическими конструкциями, стал свою жизнь обобщать, типизировать, и вот он уже вещает о бесчеловечности развитого социализма советского образца.

Автор совершил насилие над живым документом времени – человеком. Автор, не справившись с законами жанра, смешал себя и собеседника – и погрешил против правды. Выходит, не так уж беспочвенны жалобы реальных героев С.Алексиевич на автора? Они друг друга не поняли – автор и герой. Они остались идеологическими противниками.

Автор С.Алексиевич всегда продвинута слишком далеко, она уже давно вышла из социализма в капитализм, а герои нередко отстают, они еще эмоционально в прошлой жизни, такой недавней, прожитой ими, и отказаться

от нее они не могут. Но автор умнее них, она хочет, чтобы они отказались. Как же, ведь автор через судьбы реальных людей показывает язвы сталинизма!

С.Тёркел об авторских целях обычно заявляет в предисловии. Когда же создает произведение, свои цели он держит в уме, не навязывает ни героям, ни читателю – и приводит свое произведение к задуманному результату. Это у него получается мастерски. Увы, С.Алексиевич подобного мастерства зачастую недостает.

По существу правильные, многие сентенции С.Алексиевич выглядят в ее книгах надуманными, привнесенными, публицистическими в плохом смысле этого слова. Из ткани произведений выпирают идеологические установки автора.

Студенты, обсуждающие книги С.Алексиевич на семинарских занятиях, отмечают их конъюнктурность, направленную на западного читателя. Да, на западе еще мало знают о сталинизме, потому там книги Алексиевич вызывают любопытство. На родине (и в Беларуси, и в России), где пик открытия обществом ужасов сталинизма уже пройден, пройден и пик читательского интереса к подобным книгам. Алексиевич же акцентирует внимание именно на сталинизм. Даже историю любви старика и молодой девушки она тоже заваривает на гулаге. А если бы гулага не было – появилась бы публицистика С.Алексиевич?

Оставим вопрос открытым для обсуждения. Добавим лишь, что у автора этих строк случались напряженные творческие дискуссии с Алексиевич по поднятым выше проблемам публицистики. Стороны остались при своих мнениях.

6.

Человеческую жизнь как полноценный публицистический материал преподносит читателю и французская публицистка Мадлен Риффо. Но в жизнь она проникает инкогнито. Такую методологию изучения реальной жизни обычно называют: журналист меняет профессию. В 1974 году публицистка нанимается санитаркой в больницу, вооружается венчиком и половой тряпкой, оставляя при себе оружие публициста – критичный взгляд. О том, что увидела во французских больницах, М.Риффо написала в книге «Больница как она есть», имеющей подзаголовок: «Написано ввиду неотложной необходимости».

Благодаря публицистке, французское общество смогло критично посмотреть на самое себя. Больница с ее ежедневной борьбой за человеческую жизнь обнажает раны, физические и душевные, обостряет чувства, проблемы. Мадлен Риффо, не раскрывая своего имени, живет жизнью санитарок и врачей, берет на себя их заботы, беды, радости. Чувства автора, вобравшие в себя чувства многих людей, усиливаются, отсюда – искренность переживания, эмоциональность.

По стилистике репортаж Риффо из больницы – это фрагментарные наблюдения, разрозненные истории, написанные сжато, не развернутые, лишённые описательности. Такой текст можно было бы считать сугубо информационным, если бы публицистка периодически не прерывала его и не добавляла от себя авторские ремарки, выражающие отношение к

происходящему, - гнев, радость, сарказм. Подобные публицистические вкрапления не выглядят искусственными, так как автор нигде не подделывается под разговорные интонации, не пытается переходить на монолог героя, якобы снятый с магнитофона.

В книге Риффо практически отсутствуют общие рассуждения о недостатках лечебно-оздоровительной системы как части общественной системы Франции. В этом нет необходимости, так задумано автором – не навязывать читателю собственное мнение, а рисовать реальную картину жизни. И читатель обязательно сделает свой вывод, его приведет к собственному мнению вся структура произведения, состоящего из мазков и одновременно такого цельного.

Больничному репортажу М.Риффо недостает сюжетной отшлифованности, иногда он производит впечатление торопливости, недоделанности. Профессионалы упрекнули бы за это автора, но рядовой читатель не заметит. Читатель вслед за автором будет сопереживать врачам, санитаркам, больным. Следовательно, цель публицистики достигнута вполне. Что касается претензий профессионалов, то мы не будем их игнорировать и на семинарских занятиях попытаемся обнаружить в тексте М.Риффо нестыковки между главами, нарушающие плавность повествования, затрудняющие усвоение материала.

Опыт Мадлен Риффо начинающим журналистам ценен умением и, естественно, желанием публицистики проникать в жизнь, изучать жизнь, а не декларировать общеизвестные истины, вызывающие у читателя досаду, а то и зевоту. Описание реальной, а не придуманной жизни – неперемное условие успешной и результативной деятельности публициста.

Мы вынуждены говорить об этом потому, что в публицистике зачастую фигурирует жизнь вторичная, уже прошедшая отбор и фильтрацию в СМИ либо почерпнутая журналистами на пресс-конференциях и брифингах. Кабинетная публицистика может быть весьма чувственной, даже экзальтированной, но, увы, неинформативной. Никто и никогда не отнимал и не отнимет у публицистики ее главную задачу – информировать.

7.

Чтобы информировать, необходимо собирать факты. Где же они лежат? Везде, повсеместно, на каждом шагу. Чтобы их собрать, необходим особый взгляд и нюх. Не зря на западе острую журналистику и критичную публицистику называют «сторожевой собакой». Это не так напыщенно и демагогично, как «четвертая власть», зато верно по физиологическим признакам. Умением найти факт обладают лишь журналисты от природы. И не обязательно таковой факт должен быть с «отрицательным» запахом, он может источать и благовония. Вас, коллеги, возбуждает только негатив, но почему?

Если человек способен и на мерзкие поступки, и на благородные, то почему же публицистика главным образом нацелена на поиск и осмысление первых, оставляя без должного внимания вторые? Так сложилось исторически, потому что, во-первых, считают, что публицистика обязательно должна с кем-

то или за что-то бороться; во-вторых, находить и описывать мерзкое технологически проще.

Так сложился перекося в предмете изображения публицистики. Лишь немногие журналисты пытаются исправить положение вещей. И еще меньше журналистов, которые добиваются профессиональных успехов на позитивном материале. Тем более значителен, интересен их опыт. Среди таких журналистов – Василий Песков, бессменный корреспондент «Комсомольской правды» с шестидесятих годов прошлого века.

В 1963 году В.Пескову была присуждена высшая литературная награда СССР – Ленинская премия. Тридцатитрехлетний автор получил премию за книгу газетных очерков и зарисовок «Шаги по росе». Специальный корреспондент «Комсомольской правды» рассказал о том, что за семь лет увидел-услышал в многочисленных командировках по стране. Главным образом он обращал внимание на людей: деревенских старух, космонавтов, учителей, охотников, строителей... В каждом встреченном в командировке человеке журналист нашел черточки, присущие только ему, сумел донести свои открытия читателю во всей их свежести, неповторимости и ... обобщенности.

Очерки, репортажи, зарисовки В.Пескова небольшие по размеру (написаны же для газеты!), ограниченная площадь не позволяла автору пользоваться пространными описаниями и размышлениями. Авторский язык прост, точен, метафоричен. Эмоциональное воздействие достигается за счет деталей, лиричности автора, который сам непременно присутствует в материале. Но его присутствие не навязчиво, он либо задает точные вопросы, либо одним мазком нарисует фон, контекст.

Очерк «Ржаная песня» о встрече с прекрасными людьми завершается так: «В полночь мы полезли на сеновал. Алеша захрапел сразу. Я долго ворочался, вспоминал. Дом. Старики. Школа. В прорехе соломенной крыши насчитал сорок четыре звезды...»

Больше ничего добавлять не надо. Читатель дорисовал все сам: звездную ночь, взволнованного автора, запах сена, завтрашний солнечный день, новые встречи с хорошими людьми, всю свою будущую жизнь, которая, оказывается, не всегда так мрачна, ибо хороших людей не так уж и мало...

Человек – средоточие всех проблем общества. Эту аксиому публицисты доказывают бесконечно, охотно, умело. Тот же человек – источник любви, добра, бескорыстия. Эту аксиому публицисты доказывать не спешат. Как мы уже сказали, таковы корпоративные традиции, за которыми часто скрывается элементарное неумение публицистов найти нужную интонацию, не сбиться на идеологемы того общества, в каком обитает герой повествования.

В.Песков в лучших произведениях умело обошел опасность идеологизации поступков своих положительных героев потому, что не отрывает их от реалий жизни, накрепко связывает их с конкретикой деталями, фактами. Вот перед нами деревенская старуха Антониха, всю жизнь прожившая у Дона. Крепкие мужики побоялись перевезти автора на ту сторону реки, бушующей от половодья. Антониха же – перевезла. В войну через ночную реку, под обстрелом она переправляла солдат. В любую погоду умела добыть на пропитание рыбу.

Чем не букет героических качеств! Но автор доискивается новых деталей – и находит. Оказывается, Антониха так и не научилась плавать. Некогда было. А как же не утонула, когда лодка перевертывалась? А вот как: Антониха по дну бежала к берегу, благо под водой, без воздуха может находиться две минуты, вынырнет, глотнет воздуха, опять бежит. Как это называется? Сноровка. Смекалка. Казус. В.Песков так и говорит. А другой бы публицист на его месте мог бы написать, что умение бежать по дну реки, когда ночью перевернулась лодка с солдатами, в Антонихе возникло от любви Родине, от желаний победить фашистов. Безусловно, эти качества развились в Антонихе под руководством Коммунистической партии. В.Песков сумел избежать пропагандистской шелухи – за это публицисту положена еще одна премия. От читателей.

8.

К обыденной, а не идеологизированной правде привязан и публицист Анатолий Стреляный. В отличие от Пескова, Стреляный рисует большие полотна жизни, ставит и решает множество производственных и моральных проблем, представляет реальных людей в многолетнем развитии, год за годом следя за их судьбами, как в серии очерков, объединенных книгой «В гостях у матери» (1984).

Свой метод и свои творческие проблемы автор раскрывает в следующем отрывке:

«Я старался ничего не скрывать, только заменял некоторые имена, мелькавшие в наших разговорах, но все равно никому не угодил, и в первую очередь матери. Одну статью она вырвала из журнала и бросила в печку, других, кажется, не читала вообще. Она наказывала: «Если хочешь заработать, не пиши о своем селе, пусть другие люди нас по языкам не носят. Теперь требует только одного:

-Пиши хорошее!

-Что значит хорошее? – допытываюсь я.

-Солидное. Чтоб дураком тебя не считали... Федька Сиривец приبلудную собаку спас – ты сразу писать. Что это за событие? Кому оно нужно? Вся больница над тобой смеялась».

Реальные люди далеко не всегда солидарны с публицистом, когда увидят себя в его текстах. Вроде все так, как было в жизни, а в тексте им что-то не нравится. Не нравится обыденность, хочется увидеть себя приподнятыми над скучной жизнью. Может, в человеке есть какой-то природный аппарат (инстинкт, рефлекс), настроенный на улавливание пропагандистского сигнала извне? Если бы оно не существовало, то не откликались бы люди так охотно на призывы власти идти войной на других людей либо доносить друг на друга. Может быть, следует научить человека ценить прежде всего обыденность как цель и смысл жизни, а высокие идеалы сами по себе рождаются и вырастут? Именно в ежедневных опытах человек учится правильно и много выращивать хлеба, сберечь маленькие деревушки, умело управлять сельским хозяйством, заботиться о деревенских собратях и решать другие проблемы...

Публицистика А.Стреляного – это документальная повесть, где завязка, кульминация и развязка происходят с реальными людьми, его матерью, его

племянником, его сестрой. Этические проблемы, вставшие перед автором, не помешали ему быть предельно искренним. В очерках Стреляного почти нет фигуры умолчания. Там, где надо быть особенно откровенным, острым, проблемным, он переключает сюжет на себя, ведет рассказ от себя. Переход от стиля к стилю осуществляется свободно, практически незаметно. Публицистические вставки не выделяются особенным пафосом либо глубокомысленными афоризмами, чем нередко украшают свою публицистику некоторые авторы. А.Стреляный глубок тем, что глубоко заглядывает в жизнь.

9.

А.Стреляный продолжает традицию своих недавних предшественников по цеху, блистательных русских публицистов-деревенщиков Валентина Овечкина, Георгия Радова, Ефима Дороша, которые исследовали людей и проблемы села в многолетнем наблюдении, в развитии. Отсюда проистекает романная стилистика их публицистики: неторопливость мысли, описательность событий, показ вызревания проблемы внутри ситуаций, обязательно через споры и конфликты людей, среди которых обязательно находятся один-два наиболее мудрых, прозревших, умно проводящих идеи партии в жизнь.

Ефим Дорош свой «Деревенский дневник» создавал два десятка лет, печатая очерки и отрывки в газетах и журналах. В повествовании действуют «сквозные» герои, что связывает все очерки единым замыслом, интригой. Герои Дороша - и документальные, и собирательные - живут в одном районе, куда автор выезжает много лет подряд, а впечатления заносит в дневник.

Дневник пишется обычно для себя, тогда пишущий предельно искренен. Если дневник начинаешь писать для других, то неизбежно приукрашиваешь себя. Ефим Дорош писал дневник для других, но очень мало места уделил в нем себе. Получился доверительный разговор с читателем о его же, читателя, жизни. Цель разговора автор формулирует так:

«К началу пятидесятих годов я стал ощущать, что между написанным мною и действительностью есть некое несовпадение, вернее сказать, что они соотносятся между собой как сделанное и естественное. При всем при том, что литература, подобно всякому искусству, есть сделанность, все же истинная реалистическая проза, ничуть не копируя действительность, что вообще-то и невозможно, свободна и не задана, как сама жизнь».

Публицист, пишущий о реальной жизни, подвергает себя опасности быть натуралистичным. Вот что заботило Е.Дороша. Натурализма он избежал благодаря тому, что перед его глазами всегда был нравственный идеал - хорошие знакомые, друзья, родная природа, русская история с ее лучшими страницами. В свете идеала он наблюдал и оценивал повседневную жизнь русской деревни: доброе поддерживал, мерзкое отвергал. Дневниковые интонации позволили Дорошу избежать громких фраз и в любви, и во гневе, быть мягким, лиричным.

10.

У Георгия Радова, который информирует нас практически о тех проблемах устами других героев, мы больше встречаем резких суждений,

открытых публицистических оценок. Конечно, это характер автора. Но, кроме характера, есть и осознанная творческая цель – осудить то, что мешает продвижению села к нормальной жизни, поддержать тех, кто ведет деревню, - председателей колхозов.

Вершина публицистического творчества Радова – большой очерк «Председательский корпус». Это многолетние наблюдения за деятельностью председателей колхозов. Книга насыщена глубокими раздумьями о судьбах деревни, яркими характеристиками колхозных вожаков.

Проблемный материал из книги прямо-таки выплескивается «наружу», за пределы деревни, в более высокие сферы политического устройства государства. Но публицист в эти сферы старается особо не заглядывать, колхозные проблемы пытается решить на том же уровне – в колхозе, в районе. Публициста сдерживали и цензура, и собственная осмотрительность, и, чего уж скрывать, вера в жизнеспособность рабской системы под названием «колхоз».

Очерк «Председательский корпус» Радов создавал в 1970-1974 годах. В расцвете были развитой социализм, брежневский маразм, колхозные эксперименты и «половинчатая» публицистика типа названного очерка Георгия Радова, радеющего за деревню, нащупавшего симптомы ее болезни, но не назвавшего их кардинальных причин. У Радова председатели колхозов вдруг сделались вежливыми, не способными на грубый окрик, а доярки, таскающие тяжелые вилы с навозом, счастливы, ибо верят в завтрашний день, когда по решению партии им построят механизированные животноводческие комплексы

Г.Радова относят к классикам публицистики. Он умел находить тему в живом материале и ярко ее преподнести. Но он уходил от материала не слишком далеко, чтобы с высоты увидеть дальше и глубже. Классичность Г.Радова и в том, что он остался сугубо советским публицистом, встроенным в систему, как того и требовал метод социалистического реализма. Реальные герои публициста Радова в определенной степени придуманы, мифологизированы, отлакированы. В реальность подобных существ не веришь, даже если публицист называет их реальные имена и адреса. Вот на какие чудеса способна публицистика. Эти чудеса тоже требуют изучения, ибо они свойственны не одному Радову, но, скажем, и корифею публицистики Валентину Овечкину.

11.

В восьмидесятые годы, с началом горбачевской «перестройки», публицист Анатолий Стреляный по-новому прочитал знаменитые «Районные будни» Валентина Овечкина и обнаружил в них «утопическую, фантастическую книгу о перестройке», которую сам же Овечкин и придумал.

По мнению А.Стреляного, В.Овечкин «грешил против искусства», «поступался правдой жизни», рисуя благополучные концовки и подпуская «розового туманца», показывая сказочно хорошего партработника Мартынова.

А.Стреляному неловко обличать учителя в лакировании советской действительности, в сглаживании острых углов, в нежелании смотреть в корень проблемы, но «на писательские уступки действительность никогда не

откликается». Верно замечено! Парработники Мартыновы, которых боготворил Овечкин, оставались верными слугами единой руководящей и направляющей силы, которая и привела великую империю к распаду, к экономическому упадку.

Можно ли теперь обвинять публициста Овечкина, что не усмотрел будущее? Нельзя обвинять, он ни в чем не виновен. Так утверждает маститый публицист современности Юрий Черниченко, кинувшись защищать Овечкина от Стреляного. Увы, в возражениях Черниченко мы находим больше демагогии, нежели логики и правды.

Приложение к лекции 3

Анатолий Козлович

«КОЛЬКА-ВЕНИК»

Веники обычно вяжут из сырья, широко распространенного в конкретной природно-климатической зоне. К примеру, в Беларуси их делают из березы, дуба, можжевельника, камыша, полыни, человека. В зависимости от материала они используются для подметания полов, улиц, тротуаров и для парения в бане. Колька-веник — веник универсальный, многоразовый, гнущийся, мягкий, прочный, ибо соединил в себе свойства березовой ветки и белорусского характера.

Таинство соединения березы и белоруса в веник начинается в лесу. Мне посчастливилось наблюдать сей процесс и выявить кое-какие технологические закономерности. Первейшее правило Кольки в том, чтобы подыскать березку определенного возраста. Увлечешься молодой и хрупкой — веник получится ломким, недолговечным. Возьмешь в оборот старую и повислую — из нее выйдет не упругий веник, а тряпка. Колька высматривает идеал — лет тридцати. И чтобы подходила ему невысоким ростом. Чтобы достать руками нижние ветки (можно подпрыгнуть), подтянуть к себе, повертеть, хорошо рассмотреть. На верхушке каждой ветки он ищет не менее трех отростков. Если Колька увидит менее трех — отпустит, не станет зря срезать, чтобы потом выбросить.

Наглядевшись вверх на березы, Колька чувствует головокружение. Вокруг него крутится зеленое колесо из берез, сосен, осин, елок... Где-то в этой карусели — тележка с заготовленными ветками. Ее надо разыскать. Ищет-ищет, по пути встречаются березки с ветками по три отростка. Они обещают хороший веник, а в иных обещаниях Колька не нуждается. Он увлекается идеальными ветками. Он готов их целовать. Набрал охапку, еле тащит. И тут вспомнил, что искал тележку...

Когда охапка, тележка и Колька наконец воссоединяются — веток целая гора. Но никакой беды нет. Он оборвет листья, голые ветки наверняка поместятся в тележке. Колька садится на траву под березой, глотает таблетку от сердца, смотрит на солнце, на часы, на муравьев в траве, слушает, как бьется сердце, поют птицы, шелестит в березе ветер. Начинает посапывать, похрапывать — и засыпает.

И снится ему отец. На выходе из деревни, у шоссе Москва-Варшава, собралась толпа. Отец, попрощавшись со всеми, сидит на повозке. "Но! — Кричит кто-то. — С Богом, Иван!" Четырехлетний Колька хочет посмотреть вослед. Посмотреть на отца, который уезжает в Аргентину на заработки. Колька видит пенек, бежит к нему, залезает, смотрит на уехавшую повозку, но отца разглядеть уже нельзя...

Он просыпается через десять минут. Сердце бьется ровно. Голова почти не кружится. Птицы поют и поют. Ветер посвистывает. Береза вздыхает. Сосна поскрипывает. Муравьи ползут и ползут. Колька берет ветку за веткой, ловким скользящим движением ладони захватывает и сдирает листья. Венику для подметания полов листья во вред. Нужны тонкие кончики, освободить их от листвы надо осторожно, чтобы кончик не сломать. Польза и красота березового веника — в нежном кончике. Он подсохнет, огрубеет, не потеряет гибкости, обеспеченной березой и Колькой.

Уложив очищенные ветки в тележку, увязав их веревкой, Колька определяет свое месторасположение в пространстве и времени. Смотрит на солнце и часы. Вспоминает, с какой стороны входил в лес. Прикидывает, на сколько километров углубился. С каждым днем, месяцем и годом радиус его походов увеличивается, так как березы ближнего круга уже проверены. Необходимо кружить дальше и дальше, чтобы делать веники высокого качества.

Колька устанавливает направление домой, находит в лесу попутную дорогу, досконально зная, куда ведет каждая. Выкатывает на дорогу тележку — и, упершись в груз, наклонив вперед голову в черном стильном беретике, шагает, шагает, шагает...

Когда из рынка уходят покупатели, праздничношатающиеся, бомжи, воры, когда продавцы сняли халаты, подсчитали и сдали остатки товара, дневную выручку и незаметно исчезли, когда выяснили отношения и разбежались в разные стороны рэкетеры, хозяева и милиционеры, когда "лица кавказской национальности" растворились в сумерках, когда важный директор уехал на дорогой машине, — рынок не пустеет. Тогда наглядно видно, насколько он завален мусором.

Шумный человеческий муравейник оставил после себя убедительнейшие свидетельства своего бескультурья, своей хронической нечистоплотности. Если бы покупатели вдруг вернулись и увидели завалы мусора, они бы не стали покупать на рынке мясо, фрукты, рыбу, овощи, ягоды, грибы...

Но покупатели придут завтра утром. А сегодня вечером на рынке орудует женщина с метлой. Десятки женщин метут, метут, метут. Главный зал, коридоры, лестницы, подсобки, торговые ряды, проходы обретают вид, от которого не разочаровывает и не тошнит и который подтверждает простую истину: человечество не тонет в мусоре благодаря венику. Подметенный пол — основа культуры.

Веник имеет сходство с ракетой (кометой). Потому баба-яга выбрала метлу в качестве молниеносного средства передвижения (тихоходные маршруты она совершает обычно в ступе). Метла, напомню, — тот же веник

со вставленной длинной палкой. Держась за палку, бабе-яге удобно управлять веником в полете, а женщинам из Главного рынка страны — сподручнее подметать пол, возвращать человечество на основу основ. Образно поясняет нашу тему анекдот. В комнату, где зять читает газету, входит теща с метлой. Зять спрашивает: "Мама, вы подметать или куда-нибудь летите?"

Пока человек нуждается в венике — существует и надежда на возрождение человека. Возрождение начинается с чистоты. Глядя на замусоренные, загаженные, особаченные, вонючие дворы, тротуары, подъезды, лестницы, лифты, я думаю о Кольке, который шагает, шагает, шагает, толкая тележку с березовыми ветками. Колька меня убеждает, что еще не перевелись белорусы, которые идут зная куда и зачем.

Вот Спаситель наш открывает родную калитку, втаскивает на усадьбу тележку, тяжело опускается на скамейку. Из огорода бежит жена Нюрка, на ходу сбрасывает рабочий халат, под которым красивая кофточка в тон бусам. Нюрка тревожно спрашивает, почему задержался, как самочувствие. Ведет на кухню, наливает стопку самогонки и тарелку борща, садится рядом, смотрит, как муж устало ест, говорит тоже устало, серьезно, тихо, незлобливо, как обычно говорят не в первый раз: "Погубят тебя эти веники, Колька. Брось. Ты не двуличный. Тебе семьдесят пять лет, дурачок. Посиди. Пожалей себя и меня."

У него сейчас нет сил отстоять словами свою активную жизненную позицию. В знак несогласия он машет рукой. Идет к дивану, быстро, как ребенок, засыпает. Пока Колька спит, Нюрка приходит, прислушивается, как он дышит, кладет ладошку на его мокрый лоб, накрывает, когда раскрылся...

И снится ему мать. Она плачет и говорит, что отец в Аргентине устроился плохо и что Кольке надо идти на заработки в соседнюю деревню — пасти коров у богатого хозяина. И хозяин везет Кольку на велосипеде. Семилетний Колька сидит на раме, босые ноги мерзнут, потому что холодный апрель. Въехали в хозяйский двор. Хозяин снял Кольку с рамы велосипеда. Поставил на землю. А Колька — упал. Не смог стоять на околевших ногах...

Через час Колька вновь на посту номер один. Болят ноги, но время не терпит. Надо составить веник из веток, пока те не пересохли. Сырые ветки тесно прижмутся одна к другой, не будут топорщиться в разные стороны, как тараканьи усы, лягут округло и равномерно, словно шетина в помазке. Когда веник густой и мягкий, как помазок, он подберет каждую соринку на полу. Женщины метут и хвалят того, кто такой веник связал. Колька тщательно подбирает ветки по размеру и пушистости, туго обвязывает черенок из вениковых прутьев синтетической бечевкой в двух местах. Пользователи вставят палку и превратят веник в метлу.

Рядом с Колькой, на табуретке, стоит бутылка с самодельным ликером и рюмочка. Время от времени Колька наливает, выпивает. Что-то поет себе под нос, что выдает блаженство его души. А возле желто-лимонной стены дома выше и выше поднимается сиреневый штабель веников, от которых исходит

запах мироздания: древесной коры, березовой почки, меда, ветра, неба, солнца...

Связав привезенную партию веток, Колька берет направление на диван. Только положил голову на подушку — уже спит.

И снится ему эротический сон. После ранения под Варшавой его привезли в госпиталь. Всего закрутили в бинты, не залепили только глаза. И видит он женщину в белом. Когда девятнадцатилетний мальчик видит женщину, ему ничего не болит. Даже когда срывают бинты. Женщина обняла его, прижалась к нему всем телом, он чувствует ее теплую грудь, слышит ее слова: "Потерпи, миленький!.."

Жена говорит, что он не двужилый. Она права. Колька — сорокажильный. Как веник. Колька высоко ставит веник, потому что веник еще никто и никогда не сломал. Даже Иван Поддубный. Сорок лет боролся, не проиграл ни одного соревнования, гнул подковы, завязывал гвозди, а с веником оконфузился. Тоненькие березовые жилки, сложенные вместе, несломны.

Чтобы веник сломать, надо его распотрошить. Смотри: беру отдельный прутик — хреть, беру второй — хреть, третий — хреть... Так — и человека. Попал тебе вредный начальник, например, мастер на заводе. Хреть — сломал тебя, деваться некуда, ты раб. Чтобы тебя не сломали, имей еще одну работу. Тут начальник вредный, а там, может, нормальный. В любой момент перебежишь к нему. Но не спеши. Вредного начальника можно переделать. Поставь ему бутылку. От дармовой еще никто не отказался. Я знаю. Помогли ему отделать квартиру, дачу. Я всю жизнь клепал начальникам жестянки и не брал денег, только кормежка и выпивка за их счет. Они оплатят тем, что дадут выгодный наряд, отгул, если надо, отпуск, когда тебе захочется. Дружи с маленьким начальником — и тебя не сломает большой начальник. Никто не сломает. Как этот веник. Я знаю. И ты, Толик, мотай на ус.

Всю жизнь Колька работал в двух-трех местах. Во-первых, чтобы больше заработать. Вдвоем с женой возвести (в конце пятидесятых) шлакобетонный дом в Минске, в поселке Северный, купить "Жигули" (в начале семидесятых), построить дачу (в начале восьмидесятых), прилично одеть жену, дочку, и себя не забыть, и чтобы в холодильнике стояло выпить и закусить... Во-вторых, — следовал философии веника.

Основная работа Кольки протекала на заводе — жестянщиком. Ставил и чинил кровли, делал дождевые спуски, вентиляционные системы и тому подобное. Вторая работа — в ЖЭСе, тоже по жестяной части. Еще делал шабашку. Заводские начальники, маленькие и большие, Кольку ценили, в шестьдесят лет на пенсию не выпроводили, как других.

Он ушел с завода, когда посчитал нужным. В начале девяностых на заводе все превратилось в демократов, перестали подчиняться друг другу, начался бардак, зарплата сделалась копеечной. Выгоднее стало шабашить, начался дачный ажиотаж, жестянщик был нарасхват. Жестяные работы — главным образом высотные работы. Стоишь на зыбкой лестнице, зубилом и

молотком долбишь в стене дырку, ставишь пробку, прикручиваешь кронштейн, навешиваешь трубу или слив.

Жестянка — тяжелая работа. немеют руки и ноги, болит шея. Колька оставил это занятие после семидесяти, когда пару раз свалился с лестницы от усталости и головокружения. Сильно переживал свою слабость. Как будто кто-то начал потрошить его, вытаскивать прутик за прутиком, чтобы сломать. Спасибо венику! Он не только философичен. Веник мобилизовал Кольку.

Контракты на поставку березовых веников Колька заключил с Главным рынком, с ЖЭСом, с баней, с частной фирмой. Первым двум потребителям веники нужны для подметания, вторым двум — для парения, то есть с листьями. Чтобы обеспечить всех, нужно связать не сотни, а тысячи веников. К даче, где круглый год живут Колька и Нюрка, заказчики приезжают за вениками на грузовике.

Нет никого счастливее Кольки, когда мужики считают и грузят его веники, восхищаются их количеством, качеством, но больше — сознательностью, трудолюбием, терпением вязальщика. О том, сколько он получит за работу, не спрашивают. Знают: получит издевательскую сумму. Пошутить на эту тему боятся, чтобы невзначай не обидеть старика.

Я тоже не шучу с ним на тему веничного промысла, хотя он мне близкий человек. Колька — мой дядя, родной брат моей мамы. Он, как и я, родился в деревне Горск на Брестщине. Я вижу его отношение к венику как смыслу жизни. Над жизнью человека шутить грешно. Без веников он сразу помрет. Ляжет без дела на диван, накинутся все болезни — и отдаст концы. Так он объяснил мне свою страсть.

За крупную партию веников он заработает примерно как две-три пенсии (пенсия Кольки-фронтовика чуток больше средне-нищенской). Двух пенсий, Колькиной и Нюркиной, не хватает, чтобы нормально жить. Так что приработок кстати. Колька еще и откладывает. Кладет в сбербанк. Когда я говорю, что его накопления съедает инфляция, Колька возражает: как же получились проценты?

Государство в девяносто втором году присвоило все деньги Кольки, накопленные тяжелым трудом в трех местах. Но он все равно отдает свои сбережения государству. Благодаря Колькиным веникам милиционеры носят дубинки, президент летает на красивом вертолете, генерал пьет коньяк и руками солдатиков строит себе коттедж...

Видя несломленность и многожилность Кольки, государство активно пользуется им для заметания своих нечистоплотных следов, для сокрытия своих грязных дел, для отмывки своего греховного тела. Колька — веник и половой, и банный. Многофункциональный. Получив в банке остатки спаленного инфляцией вклада и мифические проценты, он идет в магазин.

В разных тайных местах у Кольки аккуратно складирован неприкосновенный запас: тушенка свиная и говяжья, шпроты, растворимый кофе, мука, сахар, соль, спички, соленое сало, самогонка, сухари. Партии некоторых продуктов весьма крупные, горы смазанных (чтобы не ржавели) банок выглядят внушительно. С гордостью показывая мне свой НЗ, Колька съязвит: купил за инфляцию.

Кроме продуктов, в больших количествах заготовлены дрова, керосин, минеральные удобрения, ядохимикаты. Дачный дом он поставил кирпичный: чтобы не сгорел. Огород обильно проторфовал, произвестковал, унавозил, для чего сделал жестянку местному колхозному начальству. А Нюрка расправилась с сорняками. С ухоженной землей никакой черный день не страшен.

В автономном режиме маленькая Колькина дача как социально-экономический организм может существовать долго. Никакой кризис извне сюда не проникнет. Никакая власть Кольке больше не навредит. Посему ему безразлично, какая власть придет завтра. Никто и никогда не изменит ход его мыслей и направление его действий. Он сам себе президент, у него есть проверенный за полвека заместитель — Нюрка.

Хорошей власти он за семьдесят пять лет так и не увидел, хотя жил при поляках, немцах, коммунистах, демократах, президенте. Все они схожи тем, что пользовались Колькой как веником. Высококачественным, надо сказать, веником. Гнучким, то есть толерантным. До того толерантным, что ему наплевать, кто им пользуется. На сей счет у него нет комплекса неполноценности. Наоборот, он чувствует себя полноценным по причине собственной гибкости. Им метут как раз потому, что он сохраняет самоидентификацию веника. Он не превращается в пылесос. Им метут пыльный пол, а он сам себе на уме, думает про то, что завтра будет еще хуже.

Колька так привык жить черным днем, что с трудом может вспомнить день светлый, к которому в душе все-таки стремился всю жизнь. Последняя Колькина надежда — веник. Веник — его самовыражение, его полет.

Как нельзя оценивать в венике каждый прутик в отдельности, так неправомерно рассматривать и комментировать порознь те или иные качества Кольки, типичные для белорусского характера. Хотите что-то сказать про белоруса, прежде вспомните принцип веника. Все ментальные качества белоруса, вместе сложенные, делают его многожильным, несломным — многофункциональным. Чего еще хотеть? Главное — сохраниться, функционировать, жить.

К старту в СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ все готово. Колькин дом обложен вениками, как ступенями-ракетами обложена космическая станция перед взлетом. Один веник — одна ступень. В каждом венике сконцентрирована громадная положительная энергия белорусской березки и белорусской тоски. Многоступенчатая, многовениковая мечта выведет Кольку на самую счастливую орбиту.

Удачного полета вам, дорогие дядя Коля и тетя Нюра!..

2001